

Эдмунд Кениг

**В. Вундт. Его философия и
психология**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Э22

Э22 **Эдмунд Кениг**
В. Вундт. Его философия и психология / Эдмунд Кениг – М.: Книга по Требо-
ванию, 2013. – 202 с.

ISBN 978-5-458-10582-8

С портретом В. Вундта. Перевод с немецкого С.Штейнберга. Издание ре-
дакции журнала "Образование". Санкт-Петербург : типо-литография Б.М.
Вольфа, 1902.

ISBN 978-5-458-10582-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

IV

	СТР.
Седьмая глава. Принципы наукъ о духѣ.	
1. Предметъ и задача наукъ о духѣ	135
2. Противоположныя направленія въ спеціаль- ныхъ наукахъ о духѣ	140
3. Понятіе закона въ наукахъ о духѣ	146
Восьмая глава. Метафизика.	
1. Сущность познанія разума	150
2. Космологическія идеи	153
3. Психологическія идеи	154
4. Онтологическія идеи	160
5. Религіозныя идеи	174
Девятая глава. Этика.	
1. Основанія этики.	178
2. Нравственныя цѣли	187
3. Нравственные мотивы	192

В. Рундтъ.

Тип. В. М. Вольфа.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ нижеслѣдующихъ главахъ мы ограничились систематическимъ изложеніемъ основныхъ идей философіи и психологіи Вундта. Правильное мѣрило для объективной критики какой либо системы можетъ дать лишь прогрессъ самой науки. Поэтому въ данномъ случаѣ критическія замѣчанія или явились бы выраженіемъ субъективныхъ разногласій, или же критика должна была бы расширяться до критическаго изложенія почти всѣхъ современныхъ философскихъ и психологическихъ вопросовъ, о чемъ не могло быть и рѣчи въ поставленныхъ для настоящей работы рамкахъ.

Въ цитатахъ слѣдуетъ обратить вниманіе на слѣдующія сокращенія:

S.=„System der Philosophie“ 2. Aufl. Leipzig 1897.

L.=„Logik“, 2. Aufl. Stuttgart. 1893—95.

E.=„Ethik“ 2. Aufl. Stuttgart. 1892.

Ph. Ps. = „Grundzüge der physiol. Psychologie“, 4 Aufl. Leipzig. 1893.

Gr.=Grundriss der Psychologie 3. Aufl. Leipzig 1898.

M. T.=Vorlesungen über die Menschen-und Thierseele, 2. Aufl., Hamb. 1892.

N. R.=Über naiven und kritischen Realismus, Philos. Studien Bd. 12.

K.=Was soll uns Kant nicht sein? Philos. Studien. Bd. 7.

P. C.=Über psychische Kausalität und s. w. Philos. Studien. Bd. 10.

D.=Über die Definition der Psychologie. Philos. Studien, Bd. 12.

Эдмундъ Кенигъ.

ГЛАВА I.

Общая характеристика философскихъ взглядовъ Вундта.

Какъ ни часто приходится слышать жалобы на внутреннюю разрозненность и хаотичность нашей эпохи, тѣмъ не менѣе, если мы не будемъ останавливаться на частностяхъ, то замѣтимъ въ умственныхъ теченіяхъ и стремленіяхъ второй половины XIX вѣка нѣкоторую основную характерную черту. Если въ первую половину столѣтія надъ умами господствовалъ возвышенный идеализмъ, то съ началомъ пятидесятихъ годовъ во всѣхъ областяхъ получаетъ рѣшительное преобладаніе духъ реализма, господствующій еще и въ настоящее время.

Теперь цѣнится выше всего не „идея“, но „фактъ“. Вѣра въ то, что нашъ разумъ способенъ постигнуть внутреннюю природу вещей и, такимъ образомъ, охватить единымъ взглядомъ все разнообразіе ихъ качествъ и формъ проявленія, какъ систему необходимо связанныхъ между собой понятій, — эта вѣра исчезла; вмѣстѣ съ тѣмъ передъ наукой возникаетъ сама собой задача дать по возможности точное и всеобъемлющее познаніе внѣшнихъ свойствъ и отношеній вещей, чтобы затѣмъ уже посмотрѣть, насколько отдѣльные факты могутъ быть сведены въ единую систему. Такимъ образомъ, основаніемъ познанія становится не умозрѣніе, но опытъ, а его методомъ—не дедукція, а индукція. Поэтому, если все XIX столѣтіе и называютъ вѣкомъ естествознанія, то это названіе отно-

сится преимущественно ко второй его половинѣ: и это не потому только, что во вторую половину XIX столѣтія совершается большая часть наиболѣе важныхъ открытій въ области естествознанія и не потому также, что въ это время естественныя науки занимаютъ первое мѣсто въ научной дѣятельности, но главнымъ образомъ потому, что въ эту эпоху приобретаетъ почти исключительное господство естественнонаучный методъ изслѣдованія и мышленія, причемъ общее направленіе мысли опредѣляется не столько принципами и методами теоретическаго (раціональнаго) сколько эмпирическаго естествознанія. Чтобы избѣжать ошибокъ идеалистическаго періода, теперь преобладаетъ стремленіе дать наукѣ возможно широкое эмпирическое основаніе. Поэтому собранію фактовъ придается больше важности, чѣмъ ихъ теоретической обработкѣ, описаніе и расчлененіе явленій считается болѣе важнымъ дѣломъ, чѣмъ ихъ объясненіе, и все изслѣдованіе идетъ больше въ ширь, чѣмъ въ глубь. Возникаетъ цѣлый рядъ новыхъ спеціальныхъ дисциплинъ, часто очень ограниченныхъ (узкихъ), отдѣляющихся отъ главныхъ традиціонныхъ спеціальностей; развивается тотъ духъ спеціальности (обособленности), который сосредоточиваетъ свое вниманіе на маленькомъ уголкѣ дѣйствительности и теряетъ всякое представленіе о цѣломъ и объ обширныхъ взаимоотношеніяхъ. Аналогичный поворотъ во взглядахъ наблюдается и въ области практической дѣятельности. Методъ, одѣнивающій людей и вещи съ помощью идеальной, напередъ установленной мѣры, отбрасывается; теперь устанавливается прежде всего не то, что должно быть, но то, что дѣйствительно существуетъ и совершается, и приобретаемое, такимъ образомъ, пониманіе условій и законовъ человѣческаго существованія становится компасомъ, направляющимъ наши поступки какъ въ частной, такъ и общественной жизни. Такимъ образомъ, на мѣсто идеалистическаго и теоретическаго пониманія практическихъ задачъ, которое имѣло въ виду лишь конечныя и высшія цѣли, стано-

вится реалистически-техническое понимание, стремящееся лишь къ дѣйствительному господству надъ отношеніями и забывающее слишкомъ легко, что кромѣ средствъ существуютъ еще и конечныя цѣли.

Въ данномъ случаѣ, какъ и всегда, это измѣненіе духа эпохи яснѣе всего отражается въ развитіи философіи. Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ, что науки, привлекавшія къ себѣ всеобщій интересъ болѣе чѣмъ въ продолженіи полувѣка, въ пятидесятихъ годахъ отодвигаются на второй планъ и впадаютъ даже въ явную немилость. Довольно многочисленные послѣдователи Гегеля и Шеллинга, занимавшіе кафедры философіи въ университетахъ, не оказывали почти никакого замѣтнаго вліянія на своихъ современниковъ; ученіе Гербарта, съ его сухой схоластикой, имѣло серьезное значеніе лишь въ узкомъ кругу учениковъ, а Шопенгауеръ хотя и имѣлъ громкій успѣхъ въ читающей публикѣ, но больше среди остроумныхъ писателей, чѣмъ метафизиковъ. Въ общемъ же, какъ среди специалистовъ, такъ и въ публикѣ, все болѣе и болѣе распространялся взглядъ, что философія сыграла свою роль. Въ чемъ собственно, спрашивали, должна состоять ея задача? Должна она раскрыть передъ нами устройство чувственнаго міра? Но въ этой области уже работаютъ спеціальныя науки, и такъ какъ къ познанію дѣйствительности существуетъ лишь единственный путь — путь опыта и индукціи, котораго и придерживается наука, то для философіи здѣсь нѣтъ мѣста. Можетъ быть, она хочетъ намъ дать познаніе сверхчувственнаго міра? Но тогда она не наука, а поэзія, такъ какъ — существуетъ ли этотъ міръ или нѣтъ — во всякомъ случаѣ онъ закрытъ для нашего познанія, которое не можетъ переступить за порогъ чувственности. Въ прошломъ философія играла большую роль, какъ охранительница и воспитательница научнаго духа, но когда „всеобщая наука“ раздробилась на множество отдѣльныхъ дисциплинъ, ея функція перешла къ послѣднимъ.

Въ этой аргументаціи философскаго позитивизма

упускалось изъ виду, что выводы спеціальныхъ наукъ не даютъ той всеобщей связи, которая всегда считалась существеннымъ признакомъ философскаго познанія. Эти науки не только не приводятъ къ всеобщему цѣльному міросозерцанію, но стоятъ отчасти другъ къ другу въ непримиримомъ противорѣчїи. Правда, это обстоятельство не помѣшало тому, что даже наиболѣе принципиальные противники философіи строили для себя цѣльное міросозерцаніе и, такимъ образомъ, противъ воли становились на путь философіи, но при этомъ они опирались на систему понятій какой-либо спеціальной науки, и поэтому необходимо приходили къ одностороннимъ и неправильнымъ теоріямъ. Такъ, обобщеніе принятаго въ естествознаніи со временъ Галилея и Декарта объясненія явленій съ помощью неодушевленныхъ, дѣйствующихъ слѣпо причинъ повело къ такъ называемому механическому міросозерцанію, отвергавшему дѣйствіе цѣлей также и въ духовной области. По своему происхожденію это міросозерцаніе относится къ гораздо болѣе древней эпохѣ; во второй же половинѣ XIX вѣка, которая насъ въ данный моментъ интересуетъ, оно приняло двоякую форму матеріализма и механическаго эволюціонизма, господствовавшихъ одно время почти неограниченно надъ умами. Въ то время какъ матеріализмъ, наибольшій расцвѣтъ котораго относится къ 50-мъ, 60-мъ и 70-мъ годамъ, опирается преимущественно на теоретическую физику, отъ которой онъ заимствуетъ и возводитъ въ универсальный принципъ понятіе массы и движенія, употребляемое ею для объясненія явленій, эволюціонизмъ, выдвигающійся на его мѣсто, начиная съ 70-хъ годовъ, коренится въ современной біологіи. Употребляемая имъ понятія развитія, дифференцировки, приспособленія, борьбы за существованіе и т. д.—все это прежде всего біологическія категорїи. Если расцвѣтъ біологіи уже самъ по себѣ благопрїятствовалъ склонности разсматривать вещи съ біологической точки зрѣнія, то біологическія понятія, благодаря плодотворности ихъ примѣненія въ самыхъ различныхъ областяхъ знанія,

приобрѣли въ глазахъ многихъ значеніе всеобщихъ послѣднихъ принциповъ. Но и здѣсь первоначальныя чрезмѣрные ожиданія давно уже начали вытѣсняться сомнѣніемъ въ всеобщей примѣнимости основныхъ понятій механическаго ученія о развитіи; во всякомъ случаѣ, твердо установился взглядъ, что при этомъ примѣненіи дѣло идетъ не о теоріи, построенной на достовѣрномъ эмпирическомъ основаніи, но о попыткѣ подчинить факты привнесенной абстрактной схемѣ. Такимъ образомъ, позитивизмъ привелъ самъ себя ad absurdum, а вмѣстѣ съ тѣмъ стало очевиднымъ, какъ непрочно и недолговѣчно міросозерцаніе, элементы котораго сообразно духу времени заимствованы изъ одной или другой спеціальной области опыта, и что, слѣдовательно, чтобы достигнуть какихъ либо прочныхъ результатовъ, необходима особая инстанція, которая бы указывала выводамъ спеціальныхъ наукъ ихъ мѣсто въ рамкахъ должествующей изъ нихъ составиться картины вселенной.

Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ родственно позитивизму, въ другихъ же отношеніяхъ прямо ему противоположно неокантіанство, оказывавшее начиная съ конца шестидесятихъ годовъ и почти до настоящаго времени все увеличивавшееся вліяніе на общее мышленіе. Неокантіанцы, какъ и позитивисты, рѣшительные враги всякой метафизики, они смотрятъ на всю послѣкантовскую философію отъ Фихте до Гербарта и Шопенгауэра, какъ на великій регрессъ, какъ на возвращеніе къ „догматизму“ болѣе раннихъ эпохъ, и требуютъ возвращенія къ Канту. Но въ „Критикѣ чистаго разума“ хотя и доказано, что наше познаніе вполне ограничено предметами, доступными опыту, что слѣдовательно знаніе о сверхчувственномъ невозможно, однако, Кантъ очень далекъ отъ того, чтобы видѣть въ опытѣ единственный источникъ познанія и ставить себѣ въ особую заслугу открытіе „чистыхъ понятій разсудка“, посредствомъ которыхъ интеллектъ предписываетъ природѣ ея законы *a priori*. Большинство неокантіанцевъ тоже обратили главное вниманіе на эту положитель-

ную сторону критицизма, т. е. на учение о априорных формах познания и на вытекающее отсюда идеалистическое понимание опытного мира и таким образом стали в оппозицию не только к позитивизму, но также ко всему реалистическому духу эпохи. Этот дух покоится в последнем счете на том предположении, что объекты противопоставляются мыслящему духу как нечто внешнее и чуждое и отражаются последним более или менее точно. По Канту же, вообще, не существует покоящегося в самом себе и независимого от мышления бытия, внешний же мир имеет лишь „эмпирическую“, но ни в каком случае не абсолютную („трансцендентальную“) реальность, потому что он представляет продукт функций интеллекта, связывающих отдельные чувственные впечатления и за вычетом этих функций превращается в чистое (совершенное) ничто. Исходя из этого основного воззрения, неокантовцы подвергли очень плодотворной критикой наивную и обманчивую веру в реальность внешнего мира; они показали, напр., что атомы, в которых многие естествоиспытатели видели последний реальный субстрат явлений, имеют на самом деле не большую реальность, чем осмьянныя сверхчувственные сущности философии, и что естественно-научное понимание действительности, как только оно выходит за пределы простого описания эмпирически данного, по существу не менее метафизично, чем представления о мире спекулятивной философии. Правда, отсюда мог бы быть сделан вывод, что естествознание должно еще с большей строгостью, чем до сих пор, придерживаться непосредственного содержания опыта, и действительно, таково мнение тех, кто принял во внимание лишь отрицательную сторону критики Канта; феноменализм этого направления не только совпадает (встречается) с позитивизмом, но даже идет еще дальше последнего. Наоборот, положительная сторона критики разума, указывающая на то, что сам опыт может существовать лишь с помощью понятий, проистека-